

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета

ЛУКОВСКОЙ Джэневры Игоревны

на диссертацию КОНДУРОВА Вячеслава Евгеньевича на тему:

«Политическая теология Карла Шмитта: теоретико-правовое исследование»,
представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по специальности 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки

Актуальность темы диссертации В.Е. Кондурова обусловлена прежде всего необходимостью восполнения пробела в отечественной философии (теории) права и ее истории, относящегося к собственно юридическому теоретическому наследию К. Шмитта (1888-1985) – немецкого юриста, политического мыслителя, критика политики и философии либерализма, идей юридического позитивизма, одного из первых представителей социологии знания. И в мировой гуманитаристике, несмотря на постоянный интерес к теоретическому наследию К. Шмитта и значительное количество работ, ему посвящаемых, юридическая часть этого наследия остается недостаточно изученной и осмысленной, особенно с позиций связи истории и современности. Следует отметить, что автором для решения поставленных в диссертации исследовательских целей и задач привлекаются работы К. Шмитта, которые с таких позиций ранее не подвергались аутентичному прочтению и специальному изучению.

Академическая насыщенность трудов К. Шмитта и в то же время неоднозначность, более того, моральная неприглядность его известных децизионистских политических выводов создают очевидные трудности для реконструкции взглядов этого «мыслителя кризисных ситуаций». Однако при этом актуализируется и внимание к ним в современных кризисных ситуациях. Например, к идее К. Шмитта о том, что в таких ситуациях задача права заключается в недопущении эскалации конфликта до «политического» уровня, т.е., в понимании К. Шмитта, до ситуации «крайнего случая», когда суверен принимает решение о чрезвычайном положении (С. 81, 79-80).

В диссертации сделан акцент в первую очередь не на политико-идеологическом, а на теоретико-познавательном аспекте, академической значимости юридического наследия немецкого ученого. Выделяется в качестве центрального звена его творчества политическая теология как метод разрешения научно актуальных проблем философии права, ее истории, теории конституционного права, международного права. Действительно, политическая теология может и не сводиться к политической риторике как

средству легитимации политической практики, т.е. к своей сугубо функциональной роли. Во всяком случае ценностные (идеологические, политические) суждения, которые делаются с опорой на «теологический аргумент», не составляют, по убеждению автора, содержания политической теологии как метода (С. 65).

Авторская интерпретационная модель политической теологии К. Шмитта как методологического подхода актуализируется в контексте современных дискуссий о соотношении легитимности и действительности права; об основаниях действительности права, в том числе применительно к международному правопорядку; о гарантиях Конституции; о природе и границах юстиции, о пределах судебной власти и др. Для диссертанта очевиден эвристический методологический потенциал политической теологии, но его, как он полагает, еще предстоит подтвердить или опровергнуть соответствующими фундаментальными историческими исследованиями. Что касается использования этого потенциала К. Шмиттом, то автор, подчеркивая слабую пока разработанность политической теологии как метода, вместе с тем обнаруживает его применение немецким юристом в сфере конституционного права – к исследованию понятий суверенитета, «нейтрализации и деполитизации» и др. (глава II). А вот в сфере международного права политико-теологические аналогии представляются автору закономерными лишь в случаях, когда на глобальный уровень переносятся принципы конституционного права, но сомнительными, если речь идет о специфическом плюралистически устроенном (не гомогенном) международном правопорядке. Применительно к плюралистическому международному правопорядку К. Шмитт не использовал такие аналогии, а предпочел обратиться к пространственным понятиям, которые политической теологией не охватываются (С. 194).

Тема диссертации ориентировала ее автора на междисциплинарное исследование. Политическая теология как таковая актуализирует проблемы социологии познания (социологии юридических понятий), социальной психологии, восходящей к теории коллективных представлений Э. Дюркгейма, концептуальной истории, политологии, философии ценностей. В контексте философии ценностей К. Шмитт – непримиримый оппонент сторонников либеральных ценностей и идеалов.

Достоверность научных положений и выводов, сформулированных в диссертации, подтверждается прежде всего ее весомой источниковой базой. Автор привлек полный корпус текстов К. Шмитта в русских переводах, его труды в немецких изданиях, в английских переводах, а также широкий круг научных трудов на русском и иностранных языках (включая

диссертационные исследования), затрагивающих те или иные аспекты темы диссертации. Результаты исследования апробированы в докладах и сообщениях автора на международных и всероссийских научных конференциях; научной экспертизой этих результатов в рамках научного проекта № 18-011-01195 «Действительность и действенность права: теоретические модели и стратегии судебной аргументации» (2018-2020), поддержанного РФФИ (руководитель проекта – Е.В. Тимошина); публикацией семи статей, включенных в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ (включая одну – в издании, индексируемом Scopus).

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена тем, что в нем представлена и обоснована авторская модель реконструкции политической теологии К. Шмитта в аспекте ее эвристического методологического потенциала. Проблемно-теоретический характер этой модели проявляется в определении места политической теологии в системе взглядов К. Шмитта как ее центрального звена; в выборе проблемного ракурса рассмотрения политической теологии в качестве специфического методологического подхода; в выделении и исследовании таких научно актуальных, дискуссионных вопросов, обозначенных в творчестве К. Шмитта, как основание действительности правопорядка, в том числе и глобального международного правопорядка, границы юстиции, стратегии судебной аргументации. При этом авторское понимание идей К. Шмитта отстаивается в процессе критического анализа и переосмысления соответствующих интерпретационных моделей других авторов, чаще всего традиционно идеологизированных. Тем самым предлагаемая автором модель политической теологии К. Шмитта включается в новейшую историографию творчества К. Шмитта.

Из обладающих научной новизной основных выводов автора следует отметить следующие.

1. Вывод о методологическом содержании политической теологии как разновидности социологии юридических понятий («социологический» тезис); как предполагающей аналогию между понятиями учения о государстве и праве и теологическими понятиями (тезис концептуальной аналогии); как подразумевающей аналогию между метафизической и государственно-правовой картинами мира конкретной эпохи, в структуре которых обнаруживаются соответствующие понятия (тезис структурной аналогии). В диссертации выявляются особенности каждого из обозначенных методологических подходов с акцентом на эвристические возможности социологии юридических понятий в ситуации семантической неопределенности этих понятий, а концептуальной аналогии – с точки зрения

обогащения философии права новым знанием, которое послужило бы, как пишет автор, «своеобразным щитом против политизации и функционализации юридической науки» (С. 191), явилось бы одним из каналов ее рефлексии (точнее, саморефлексии) как внутреннее полемичной (С. 192).

2. Положение о том, что политическая теология в ее диахронном аспекте не сводится, вопреки существующим интерпретациям, к концептуальной истории, а предполагает прежде всего изучение параллельного аналогического развития концептуальных структур (метафизической и государственно-правовой), в рамках которых существуют исследуемые понятия. Методологически значим и полемический вывод автора о том, что между соответствующими понятийными структурами выявляются аналогии (не только в диахронном, но и в синхронном аспекте), а не причинно-следственные связи. Политической теологии не свойствен приоритет теологии (С. 53): отношения аналогии вообще исключают как теологизацию государственно-правовых понятий, так и политизацию понятий теологических (С. 15).

3. Рассмотрение политической теологии К. Шмитта в качестве метода исследования такого фундаментального вопроса теории (философии) права, как основание действительности правопорядка. Согласно концепции К. Шмитта, в ее трактовке диссертантом, основанием действительности правопорядка являются представления конкретной общности о «нормальном» – нормальной ситуации, нормальном человеке, типичной (нормальной) политической форме и т.п., аналогичные общим для данного правопорядка метафизическим представлениям. Эта концепция, как показано в главе III, находит специфическое преломление в шмиттовской философии международного права. Представления о «нормальном» признаются основанием действительности международного правопорядка в гомогенных порядках, но в гетерогенных порядках они оттесняются архаичными представлениями о распределении пространств. В первом случае внешняя война не считается нормальной ситуацией, во втором – допускается. В гетерогенных порядках политико-теологические аналогии становятся излишними, разве что в целом их плюралистическая структура может быть охарактеризована как «катехон», т.е. в политико-теологическом ракурсе.

4. Проблематизация собственно юридической политической теологии в контексте разработанного К. Шмиттом «катехонического» понятия суверена как стремящегося сохранить («удержать») порядок, т.е. ситуацию, соответствующую господствующим представлениям о «нормальном» в данной конкретной общности. «Удерживающая» роль суверена учитывается

и при выявлении методологического смысла политической теологии для определения границ юстиции.

5. Включение в современные научные дискуссии о применении и толковании права позиции К. Шмитта, который, как полагает диссертант, не соглашаясь с ее распространенными интерпретациями, был сторонником формальной стратегии судебной аргументации, а ценностно-идеологическую деятельность судьи считал политической (не юридической).

Структура работы в целом не вызывает замечаний.

Основные критические замечания по содержанию диссертации сводятся к следующим.

1. В диссертации подчеркивается, что «представления К. Шмитта об основаниях действительности правопорядка являются смешанными» (С. 110). В них значителен институционалистский элемент, без учета которого нельзя адекватно понять теоретическое наследие немецкого юриста. Сказанное, правда, «не означает отрицания наличия в мышлении К. Шмитта децизионизма» (Там же).

Согласимся с автором в том, что само решение суверена не является основанием действительности права. Однако напомним, что, по К. Шмитту, «суверен – это тот, кто определяющим образом решает, действительно ли существует нормальное состояние», кто «имеет монополию этого конечного решения» (Шмитт Карл. Политическая теология. Четыре главы. К учению о суверенитете (1922) // Антология мировой правовой мысли в пяти томах. III том. М., «Мысль», 1999. С. 644). Уже из этого следует, что децизионизм в политической теологии К. Шмитта все же первенствует, а не соседствует и не смешивается с социолого-позитивистским институционализмом. Даже если суверен приостанавливает правопорядок (пусть и во имя правопорядка) от лица государства как «института институтов», его решение вписывается именно в децизионистское мышление К. Шмитта («институционалистский децизионизм»).

2. В диссертации не вполне прояснено соотношение понятий действительности права и правовой легитимности. По мнению автора, по К. Шмитту, легитимность как «факт сущего» – не основание действительности права, ибо оно коренится в представлениях о «нормальном», а не в фактической нормальной ситуации. Но ведь и представления о «нормальном» – не что иное, как «социальный факт», если следовать Э. Дюркгейму, особое влияние которого на К. Шмитта отмечается в диссертации (упоминается, правда, единожды, и более автор к этому сюжету, к сожалению, не возвращается).

Кроме того, соотношение действительности права и правовой легитимности не раскрывается в диссертации, что представлялось бы уместным, с учетом различения К. Шмиттом парламентской легальности (критика Шмиттом легальности как таковая не раз подчеркивается автором) и плебисцитарной легитимности как «единственным видом обоснования государственности» согласно известной формуле «власть сверху, доверие снизу» (Шмитт Карл. Легальность и легитимность (1932)) // Там же. С. 649). В этом контексте весьма сомнительным представляется также вывод автора о том, что, пытаясь найти удовлетворительный выход в конкретной и наличной конституционно-правовой и духовной ситуации эпохи, К. Шмитт в конечном счете «возлагает свои надежды на законодательную власть» (С. 142).

3. Во введении автор пишет, что К. Шмитт «является сторонником формальной стратегии судебной аргументации» (С. 16; см. также С. 114-132). Однако в заключении диссертант уточняет этот вывод, утверждая, что «Карл Шмитт *является в большей степени* (курсив наш. – Д. Л.) сторонником формальной стратегии судебной аргументации» (С. 193). Первоначальный, несколько прямолинейный вывод автора, действительно, требовал корректировки. Ведь, в отличие от представителей формальной стратегии судебной аргументации, К. Шмитт ориентировался не на конструирование, а на реконструирование судьей смысла текста. Правильность принятого судом решения должна была подтверждаться практикой, эмпирическим «другим судьей». Такой социолого-позитивистский критерий правовой определенности, как представляется, не согласуется с формальной стратегией судебной аргументации. Оставаясь в пределах юстиции, судья тем не менее социологизирует смысл текста, обнаруживая таким образом свой субъективизм, хотя, по К. Шмитту, и ценностно нейтральный.

4. Не убеждают в достаточной степени аргументы автора в его полемике с исследователями, склоняющимися к характеристике К. Шмитта как беллициста, а «политического», в понимании К. Шмитта, – как нормального состояния. Ведь фигура «врага» - внешнего и внутреннего, соглашусь в целом с выводами оппонентов автора, сопровождает, по К. Шмитту, всю историю государств, в том числе, несмотря на конституционные ограничения, и правовых, конституционных государств. При этом, как пишет К. Шмитт в «Понятии политического», суть политического состоит даже не в самой борьбе (войне), а в задаче правильно различать друга и врага. В результате государство получает возможность «открыто распоряжаться жизнью людей» (Шмитт. Из: Понятие политического // Правовая мысль. Антология. Автор-составитель В.П. Малахов. М.; Екатеринбург, 2003. С. 791). Может быть, не так и нарушается

общая логика понимания К. Шмиттом политического, когда он, вследствие «пространственного поворота» в своем творчестве, как констатирует диссертант, рассматривает войну как «нормальное состояние» (С. 189).

Высказанные критические замечания носят главным образом дискуссионный характер. По структуре работы замечаний нет.

Диссертация КОНДУРОВА Вячеслава Евгеньевича на тему: «Политическая теология Карла Шмитта: теоретико-правовое исследование» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель КОНДУРОВ Вячеслав Евгеньевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Председатель диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории
государства и права СПбГУ

 Луковская Д.И.

18.05.2022 г.